

ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

© 2007 г.

А.В. Щеголева

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет

nastya_bor@mail.ru

Поступила в редакцию 22.03.2007

В статье подвергаются рассмотрению принципы исследования культурного пространства провинциального города. Анализируется провинциальная среда исторического города как сложное скопление различного рода поселений, хранилище генофонда российской культуры. Провинциальная культура российских регионов рассматривается как особый феномен, с которым связаны такие особенности провинциальных укладов, как инертность, традиционализм, консервативность и т.д.

Город как объект исследования привлекает все большее внимание представителей различных областей научного знания: историков, социологов, политологов, философов, культурологов, ученых-естественников и др. Ученые обсуждают проблемы будущего города не только в рамках решения утилитарных задач его организации, но и с целью осуществления гуманистических идеалов его развития как важнейшего культурного центра, как достижения и одновременно организующего начала человеческой культуры.

Социокультурное исследование города в историческом аспекте должно иметь комплексный, синтетический характер: в поле зрения философа, пользующегося широким спектром методов научного анализа, должен находиться весь спектр обстоятельств существования городского поселения.

Город понимается как совокупность территории (материально-вещной среды) и всех протекающих в ее пределах социокультурных процессов (территория является пространственной организацией этих процессов).

Своеобразие исторического провинциального города наиболее очевидным образом проявляется в его ландшафтах, пропорциях, темпе повседневной жизни, формах самоорганизации жителей. Все это элементы предметной, видимой части коллективной социально-исторической памяти городского сообщества. Коллективная память – это «плоть и кровь», «генетическая система» его жизнедеятельности [3; 4].

Принципы исследования культурного пространства провинциального города взаимосвязаны, поскольку отражают различные грани бытия городской культуры. Они важны для анализа влияния глобализации на исторические города России, в том числе: 1) на

состояние социально-исторической памяти; 2) на социокультурную идентичность и структуры муниципального и субмуниципального управления; 3) на пространство локальной культуры.

Социально-историческая память влияет на жизнедеятельность всех акторов и социальных институтов. Среди них особую важность представляет самоидентификация, определяющая систему ценностей и мотивации людей, самоуправление на муниципальном или субмуниципальном уровне. Поэтому необходимо взаимосвязанное исследование самоидентификации городского сообщества и особенностей муниципальной и субмуниципальной его организации. Оно может выявить фоновую активность культуры, благодаря которой в городе поддерживается то или иное качество жизни. Речь идет не о возможностях выбора в градоначальники лучшего менеджера. Напротив, имеются в виду те особенности фоновых мотиваций и культуры самоорганизации, которые воспроизводят примерно одно и то же качество жизни как при хорошем, так и при плохом градоначальнике.

Под «культурой» нами понимается «культура некоторого субъекта как социально целого», «чья-то культура». Социальное пространство – это всегда чье-то пространство, пространство того или иного актора культуры. Особенность социального пространства состоит в том, что оно формируется и разворачивается в ходе деятельности социального субъекта и вокруг социального объекта, делая его своим центром и носителем. Есть активность субъекта – есть живое пространство локальной культуры; нет активности – нет и «ячейки» пространства культуры: вместо живого пространства культуры – ее имитации и декорации. Человеческая личность – это центр, «начало отсчета» личностного мира, границы которого хотя и расплывчаты, но, тем не менее,

определены масштабами ее деятельности, направленностью в «определенное русло» [2].

Каждый социальный субъект – это отдельная фракция социального пространства, отдельный «микрокосм», как говорили древние греки. Сколько социальных субъектов – столько социокультурных пространств-микрокосмов, причем каждое из них имеет собственное «начало координат», которое находится в одном и том же месте и не подчиняется теории относительности. В качестве такого «начала координат» выступает сам социальный субъект, его система ценностей. Единица пространства культуры – это, таким образом, всегда некоторая сферическая «ячейка», включающая в себя все предметы и явления, с которыми он взаимодействует, до которых он «достает рукой». Эта «монада» живого пространства имеет «радиально-кольцевую» структуру, в центре которой стоит социальный субъект. Со ссылкой на исследование О. Ширгазина Ю. Веденин в своих «Очерках по географии искусства» приводит замечательный образец такой «монады».

Характерное для культурологии восприятие провинциального города представлено, например, в статье «Городская революция и будущее идеологий в России» культуролога и историка культуры В. Цимбурского. Он понимает город как специфическую среду «производства» идеологий и систем ценностей, а также как пространство, в котором пересекаются общецивилизационные и автономные циклы культуры.

Радикальным подходом отличается видение российского города В. Глазычева. «Как известно, иллюзорная очевидность сильнее реалий бытия, – пишет он, – и когда в благостные времена застоя, в служебную бытность мною при архитектурно-градостроительной части я имел дерзость утверждать, что города в России не было и нет, обиженный ответ был, как у ксендзов из «Золотого тельца»: как это нет, когда вот он, есть! «Смею утверждать, – продолжает он, – что при успешной имитации формы города собственно городское начало в России словно бы органическим образом отсутствовало прежде и отсутствует напрочь теперь». Комментируя эту точку зрения и упоминая также В. Каганского, называющего оппозицию «город-деревня» в России «мифологемой», В. Цимбурский пишет, что «за этим казусом стоит попросту стандарт европейского города, каковому «не отвечает» множество городских

поселений в России». Эта ремарка поворачивает вектор исследования города в плоскость культурологии, так как дальше возникает вопрос о том, чем «внутренняя природа» российского города отличается от «внутренней природы» города европейского.

Для исследования российских исторических городов эта проблема одна из самых важных, так как эти города – по большей части малые и средние провинциальные города, а именно такие городские поселения вызывают больше всего подозрений В. Глазычева, который определяет их как «слободы». Исторические города выделяются из общей массы таких «слобод» прежде всего своим социальным возрастом. Понятие «социальный возраст» указывает не просто на «возраст по паспорту», который отсчитывается со дня основания. Речь идет о значимых событиях и явлениях предшествующей истории, которые в тех или иных формах ощущаются в городской повседневности, о том, что обычно называют «духом города». Исторические города выделяются тем, что значимость происшедших в них событий выходила далеко за пределы городской черты. Во внутренней природе исторического города, таким образом, причудливо переплетаются локальное и глобальное.

Развитие российского исторического города в эпоху «холодной» глобализации сопряжено со своеобразием российской урбанизации. В. Глазычев к специфическим особенностям российского города относит «рыхлость тканей и обилие пустырей и полупустырей, огороженных и неогороженных...», которые в пространстве культуры связаны с другой особенностью, которую он определяет как «слитность города со страной, невыделенность его тела из ее массы». Это вполне соответствует тому назначению, что придавалось в культуре России странничеству и дороге, которые были частью народного искания легендарного града Китежа – города истинной веры и истинной жизни, как бы побуждал горожанина смотреть поверх городской границы, мысленно покидать пределы города. Жизнь в пути была и практической чертой российского дворянства XVIII–XIX вв. [5].

«Странности» российского города сказались в «странностях» российской и советской урбанизации. Дополнительные аргументы в поддержку тезиса А. Вишневого о том, что в советский период «страна урбанизовалась, но сами города рурализировались», излагают А. Алексеев и Н. Зубаревич: «Городская по

статистике (по доле городского населения) Россия в значительной мере оставалась по сути сельской страной, где большинство горожан имело аграрный менталитет и было тесно связано с жизнью села. ...Кризис начала 90-х еще более усилил «рурализацию» города...». Эти и подобные им оценки свидетельствуют о том, что социокультурная основа структуры расселения России действительно отличается от европейской. Несмотря на наличие населенных пунктов, традиционно называемых городами, единицей расселения все-таки является более крупное территориальное образование – **культурный регион** [3], подобный экономическим, политическим и другим регионам.

Культурные регионы имеют устойчивую радиально-кольцевую структуру: «центр региона – провинция – граница региона». В них всегда можно найти центр, окружающую его провинциальную зону и более или менее явно выраженную границу [1; 5; 6]. Бытование региональной структуры всегда связано с постоянными «диалогами» этих структурных элементов между собой.

Провинциальная культура российских регионов – особый феномен. В ее пространстве более активны структуры социально-исторической памяти, с которыми связаны такие особенности провинциальных укладов, как инертность, традиционализм, консервативность и т.д. Именно провинциальная культура является основным носителем традиций. Короче говоря, в целом культура России немыслима без этого феномена. Провинциальная культура является неотъемлемым контекстом существования российских исторических городов, которые можно охарактеризовать понятием «город – и – провинция».

Это нужно учитывать, применяя к российским реалиям теории урбанизации. Как целостный регион культуры «город – и – провинция» причудливым образом соединяет в себе урбанистические и руральные черты. «Город – и – провинция» является специфически российским таксоном системы расселения и исторически, вероятно, связан с отсутствием на Руси такого европейского феномена, как полис (город – государство). Понятно, что конструкцией слова «город – и – провинция» мы указываем не на чисто географическую близость населенных пунктов и не на известные процессы поглощения растущим городом прилегающих к нему поселков. Конструкция слова указывает на

социокультурные дистанции внутреннего пространства региона культуры, в соответствии с которыми для жителей ряда сел и деревень, например, Нижегородской губернии «столицей мира» был Нижний Новгород, а Москва воспринималась как нечто далекое и периферийное. В конструкции предлагаемого понятия мы используем слово «провинция», так как «слобода» В. Глазычева несколько архаична и указывает на ближайшее непосредственное окружение города, на «пригород». Понятие «деревня» также не подходит, так как оно существует в контекстах жесткой оппозиции «город – деревня». К тому же провинция – это не один какой-то населенный пункт, но целая их сеть, которая может включать деревни, рабочие поселки, усадьбы, монастыри. Короче говоря, «провинция» более точно указывает особую зону региона культуры, живущую вокруг исторического города, но не являющуюся ни его частью, ни чем-то совершенно самостоятельным. Провинциальная культура, кроме того что многими нитями связана с культурой регионального центра, является ареной сложных процессов, идущих в обход центра и напрямую центра не затрагивающих.

Провинциальная среда исторического города – это сложное скопление различного рода поселений, объединяющихся в более или менее крупные анклавы. Малые города были наиболее широкой и постоянной, но отнюдь не единственной зоной соприкосновения горожан и крестьян. В этом контексте на поставленный выше вопрос «А есть ли российский город?» мы можем ответить: в российской культуре доминирующей таксонометрической единицей является «город – и – провинция».

Соответственно этой логике российские исторические «города» мы определили бы как хранилище пространственного генофонда российской культуры. В эстетическом аспекте исторические «города» представляют собой ландшафтно-образный архетип материального пространства региона культуры; в социологическом аспекте – архетипы повседневного поведения и фоновых практик, с особыми темпом и ритмом жизни, деловой активности, формами устойчивой локальной самоидентификации и самоорганизации населения.

Таким образом, сложный синтетический характер изучаемого объекта (культура города) не поддается достаточно полному описанию и исследованию с позиций какой-либо одной отдельно взятой науки, теории или концепции.

Поэтому его изучение требует комплексного междисциплинарного подхода.

Список литературы

1. Агеева Е.Ю. Феномен провинциальной культуры России в архитектурной среде XIX – начала XX вв. Автореферат дис... канд. культурологии. Н. Новгород.: ННГАСУ, 1999. 229 с.
2. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998.
3. Дахин А.В. Феноменология универсальности в

культуре. Н. Новгород. 1995.

4. Мамаева О.Б. Социально-историческая память как базис национального характера русских. Автореферат дис... канд. философских наук. Н. Новгород.: ННГАСУ, 2001.

5. Рассказова Л.В. Русская провинциальная усадьба как социокультурный феномен. Автореферат дис... канд. культурологии. Н. Новгород.: ННГАСУ, 1999.

6. Рыжова Т.С. Социокультурная организация градостроительного пространства провинциальной

THE CITY AS THE SPACE OF CULTURE INTERACTIONS

A. V. Shchyogoleva

The article deals with the investigation of culture space of a provincial city. The author analyses the provincial environment of a historical city as a complex conglomeration of different settlements, the repository of genetic fund of Russian culture. The provincial culture of Russian regions is analysed as a special phenomenon which is connected with such peculiarities of provincial structure as inertness, traditionalism and conservatism.

России. Автореферат дис... канд. философских наук.
Н. Новгород.: ННГАСУ, 2001.